

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ДАЛМАТОВСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

С рассмотрением вопросов истории русской церкви периода феодализма связано решение многих важных проблем, таких, как история различных форм феодальной собственности на землю, колонизация окраин России, классовая борьба, идеология, культура и т.д.

В Сибири феодальное государство стремилось с помощью церкви расширить процесс колонизации, укрепить свое господство в крае и влияние на сибирские народы, создать более благоприятные условия для их эксплуатации. Церковь была призвана установить идеологический контроль над переселившимся русским населением. Большая роль в этой политике отводилась монастырям.

Монастырская колонизация явилась одной из важных составных частей освоения в конце XVI - XVII в. обширных просторов Сибири, присоединенных к Русскому государству. В этот период позиции государственной власти в крае были еще недостаточно прочными, поэтому правительство возлагало на церковь, и в первую очередь на монастыри, важные идеологические и экономические функции. В связи с этим выявление и введение в научный оборот новых материалов по первоначальной истории сибирских монастырей даст возможность более полного освещения процесса освоения Сибири.

Одним из первых в Зауралье был основан в 1644 г. Далматовский Успенский монастырь, впоследствии ставший крупнейшим монастырем края. Так, уже к середине XVIII в. ему принадлежало село, 7 деревень, 2158 душ крестьян¹.

Далматовский монастырь явился одним из главных оплотов самодержавной власти в Сибири. Он сыграл значительную роль и в подавлении крестьянских выступлений (монастырские стены были свидетелями крестьянского восстания 1762-1764 гг., названного историками "Дубинщиной", и Крестьянской войны 1773-1775), и в обороне восточных рубежей России, и в выполнении ряда идейно-политических функций. Далматовскому монастырю, в частности, отводилось определенное место как в административно-управленческом аппарате церкви (он контролировал деятельность церквей и монастырей Далматовского заказа и управлял ими), так и в системе духовного просвещения края (в начале XVIII в. монастырем была открыта школа, которая го-

товила грамотных священников для всего Исетского края, при ней велось также обучение грамоте и нерусского населения).

Наряду с этим монастырская цитадель использовалась и в качестве тюремного застенка, стала карательным орудием в борьбе не только с противниками церкви, но также с политическими и уголовными преступниками. Немалая роль отводилась Далматовскому монастырю и в искоренении зауральского раскола.

К истории Далматовского Успенского монастыря исследователи обращались неоднократно. Среди дореволюционных работ, посвященных этой проблеме, особое место занимают труды Г.С.Плотникова², получившие достаточно высокую и положительную оценку у историков уже в XIX – начале XX в.³ Следует отметить, что эти труды не потеряли своего значения и для современного исследователя, так как в распоряжении Г.С.Плотникова, с 1816 г. занимавшего должность учителя, а потом инспектора училища при Далматовском монастыре, находились материалы, не сохранившиеся до наших дней⁴.

Еще до публикации своей основной книги "Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшим приписным к нему женского Введенского монастыря" Г.С.Плотниковым была проведена большая работа по систематизации сведений, содержащихся в архивных документах, и предпринимались попытки изложить историю монастыря⁵.

Среди источников, использованных им, упоминается "копия с записи архимандрита Исаака об основании Далматовского монастыря"⁶. Судя по всему, она была единственным документом, содержащим биографические сведения об основателе монастыря старце Далмате (в миру – Дмитрий Иванович Мокренский). Этими сведениями в пересказе Г.С.Плотникова пользовались и все последующие историки.

Эта копия, хранящаяся в настоящее время в Синодальном собрании ГИМ под № 843, была сделана в последней четверти XVIII в. далматовским игуменом Адамом⁷. Поскольку заглавие у рукописи отсутствует, предлагаем условно назвать ее "Извещением об основании Далматовского монастыря".

Записи в конце синодального списка "Известия" дают основание предполагать, что копия Адама была в свою очередь переписана с копии, сделанной при архимандрите Иакинфе (в 1763-1777 гг. занимал эту должность в Далматовском монастыре). Автором подлинника Г.С.Плотников, также основываясь на записях в конце рукописи, называет архимандрита Исаака.

Судя по тексту "Известия", архимандрит Исаак (в миру – Иван Дмитриевич Мокренский), сын старца Далмата, живший в монастыре

с 1650 г. и занимавший здесь с 1666 г. (с перерывами) должность игумена, действительно был автором этого сочинения⁹. Исаак оставил заметный след в истории монастыря: при нем началось строительство каменных стен и построек, расширились земельные владения, увеличилась монастырская библиотека⁹.

Архимандритом Исаак стал в 1702 г. и находился в этом сане до смерти в 1724 г.¹⁰ Таким образом, если принимать во внимание запись в конце копии, позволившую Г.С.Плотникову считать автором произведения Исаака, то "Известие" было написано им (а скорее всего продиктовано, о чем свидетельствует слово "читал", поставленное Исааком после его слов, заключавших текст "Известия": "Успенския обители Далматова монастыря архимандрит Исаак во уверение сего писания, дабы без сомнения было, пометил своею многогрешной рукою: "читал"¹¹) между 1702 и 1724 гг. Ниже мы попытаемся еще более локализовать датировку памятника.

Условно "Известие" можно разделить на две части: в первой содержится подробный рассказ о Далмате и об основании им монастыря; во второй перечисляются по годам переписи монастырских земель.

Казалось бы, такой переход от подробного повествования об основании монастыря к беглому перечислению переписей нелогичен. Но, с другой стороны, при рассмотрении данного сочинения в контексте конкретно-исторической обстановки видна взаимосвязь обеих частей произведения, цель которого — обоснование и подтверждение прав монастыря на земельные владения.

Как известно, одним из основных средств приобретения земельных владений монастырями в Сибири был захват земель у нерусского населения. Позднее этот захват они пытались узаконить путем получения соответствующих документов на уже имевшиеся вотчины¹².

Не был исключением в этом отношении и Далматовский монастырь. Земли, на которых поселился в 1644 г. Далмат, принадлежали татарскому мурзе Илигею и сдавались им в аренду для промыслов "ирбитцам и невьянцам Королевым и Шипицыным".

Илигей трижды пытался вооруженным путем изгнать Далмату из своих владений, поэтому, на первый взгляд, не совсем ясно, каким образом основателю монастыря удалось одержать победу в борьбе с ним.

Не имея на эти земельные угодья юридических прав, далматовские старцы пытались представить дело как добровольное пожалование и найти соответствующие мотивы, побудившие к этому бывшего владельца земель. Поэтому в "Известии" и появляется версия о родстве

Далмата с Илигеем, которая уже в литературе XIX в. подается как неоспоримый факт, хотя из текста "Известия" видно, что это лишь уловка Далмата. Одновременно рождается легенда о божественном прозрении татарского мурзы, также охотно используемая в дореволюционных исследованиях¹³.

А.А.Дмитриев высказал предположение, что Далмат купил эти земли у Илигея¹⁴. Однако вряд ли у Далмата были такие средства. Скорее всего он договорился с Илигеем об аренде угодий за более высокую плату, чем Королевы и Шипицыны. В "Известии" после сообщения о том, что весной 1645 г. Илигей отдал Далмату свою вотчину, идет фраза: "А от русских людей он же, Илигей татарин, приезжав, оборонял, и оброк с них брал". Ясно, что под "русскими людьми" здесь подразумеваются бывшие арендаторы Королевы и Шипицыны, которые, по версии "Известия", неоднократно натравливали Илигея на незваных переселенцев. А в последней части фразы речь идет о Далмате и его сподвижниках.

Как долго продолжалась выплата оброка и как старцам удалось стать безраздельными хозяевами угодий на р.Исеть, источники не сообщают. Далматовские старцы поспешили предать забвению этот факт из первоначальной истории монастыря. Ни в одной челобитной на имя царя, ни в одном документе, касающемся монастырского землевладения, о нем не упоминается. Вероятно, это связано с царскими указами 1644, 1648 и 1662 гг., в которых "государь указал: ... в Софийской дом и во всех Сибирских городах в монастыри руским служилым и никаким людем, татаром и остяком, никаких угодий вкладу давати и продавать не велено, ни которыми делы, чтоб Сибирский архиепископ и в Сибирских городех в монастырех архимандриты и игумены и строители с братиею никакими земями без нашего Великого Государя указа не владели"¹⁵. В случае нарушения установленного порядка указ предписывал полученные монастырями земли "имать безповоротно безденежно", а отдавшим земли полагалось "чинить жестокое наказание". Иногда это указание действительно выполнялось¹⁶.

Поэтому неудивительно, что далматовские старцы упорно, на протяжении многих лет добивались юридического подтверждения своих прав на эти земли. В 1651 г. они обратились с челобитной к царю Алексею Михайловичу и тобольскому воеводе боярину Василию Борисовичу Шереметеву "около своей пустыни *о пустой* (курсив наш. - И.М.) земле и об рыбных ловлях и о всяких угодьях"¹⁷. В том же году на Белое Городище (так называлось место, где поселился Далмат) был послан сын боярский Павел Яковлевич Шульгин для "досмо-

тру" указанных земель и описания границ владений монастыря¹⁸. Вслед за этой переписью в "Известии" перечислены переписи монастырских владений, произведенные в 1655(1656) г. сыном боярским Воином Дементьевым; в 1662 г. - письменным головой Кириллом Доктуровым и в 1682-1683 гг. - стольником Львом Поскочинным, причем в них неоднократно подчеркивалась неизменность размеров вотчины - "по тем же межам и урочищам".

Таким образом, вторая часть "Известия" была составлена уже в форме правового подтверждения монастырского землевладения. По какому же поводу могло быть написано "Известие"?

В 1708 г. в результате пожара сильно пострадали монастырские владения¹⁹, в том числе частично сгорел архив: погибли выписки из переписных книг Л.Поскочина, И.Спешнева, переписанные книги В.Дементьева, данная Сибирским приказом закладная на р. Течу, список со сказок, "что поступились тюменские татары на Течу реку", и другие документы²⁰.

Возможно, что из-за утраты этих документов и во избежание недоразумений при очередной переписи 1711 г. архимандритом Исааком и было составлено "Известие об основании Далматовского монастыря".

Анализ содержания памятника позволяет прийти к выводу, что "Известие" относится к жанру исторической повести. Вместе с тем оно испытало на себе и сильное влияние агиографического канона.

С одной стороны, это было обусловлено как родом деятельности, так и кругом чтения автора произведения. Так, в распоряжении архимандрита Исаака находились монастырское книжное собрание и личная библиотека. В начале XVIII в. в книгохранилище монастыря находилось несколько десятков книг и рукописей²¹, подавляющее большинство которых составляла литература богослужебная и житийная²². То же мы наблюдаем и в составе келейной библиотеки архимандрита Исаака²³, в которой следует особо выделить книгу "О чудесах пресвятыя богородицы"; оказавшую определенное влияние на текст "Известия".

С другой стороны, житийная окраска памятника объясняется также традиционной для того времени оценкой исторических явлений с точки зрения провиденциализма. Но если реализация общего замысла произведения, состоящего, как уже говорилось, в обосновании законности появления и существования Далматовского монастыря именно на этих землях, достигается в первой его части с помощью чисто средневековой апелляции к "промыслу божьему", то использование

"земных" доказательств владельческих прав монастыря-феодала на окрестные земли во второй части "Известия" показывает нам его автора как человека трезво и рационально мыслящего, который прекрасно понимал, что в новых исторических условиях одних чудес явно недостаточно.

Вместе с копией "Известия" в Синодальном собрании ГИМ хранится еще один документ²⁴, интересный тем, что также содержит своеобразный очерк истории Далматовского монастыря. Это копия, сделанная игуменом Адамом с челобитной на имя царей Ивана и Петра, составленной игуменом Исааком и келарем Никоном, в которой содержалась просьба о денежном пожаловании на монастырские строения. Челобитная не датирована, поэтому время ее написания (1684-1696) можно определить следующим образом: нижняя грань - дата, упоминаемая в тексте челобитной последней (1684), верхняя - дата смерти царя Ивана (1696).

Впрочем, в документе есть место, косвенным образом позволяющее уточнить время написания челобитной. В ней говорится, что в 1684 г. цари Иван и Петр пожаловали далматовской братии "на строение церкви в девич монастырь и на книги, и на церковную утварь, и на колокола 100 рублей". Но этих денег для строительства церкви оказалось недостаточно: далматовские старцы смогли только заготовить лес, а на строительство средств уже не хватило. Поэтому они и обратились к царям с просьбой о денежном пожаловании. Вряд ли заготовка леса продолжалась длительное время. Следовательно, челобитная скорее всего была составлена в 1685-1686 гг.

Подборка фактов в челобитной и их интерпретация также, как и в "Известии", определяются целью создания. Акцент в этом документе делается на бедствиях и трудностях, которые испытывал монастырь едва ли не с момента своего основания.

Следует отметить, что еще в 1886 г. Н.И.Тихомировым было опубликовано "Дело (1679 г.), производившееся в Сибирском приказе по челобитью игумена Далматовского Успенского монастыря в Пермской губернии Исаака с братиею о даче всепомоществования деньгами и церковными вещами на построение церкви"²⁵, начинавшееся челобитной. Рассматриваемая нами челобитная в основном повторяет челобитную 1679 г. с той лишь разницей, что последняя составлена на имя царя Федора Алексеевича, но содержит сведений из жизни монастыря после 1679 г. и помимо просьбы о пожаловании денег включает просьбу о книгах, красках на "поновление" икон и другую утварь. Изложенные в 1679 г. факты почти дословно совпадают в обеих че-

лобитных. Таким образом, можно сделать вывод, что историческая часть челобитных далматовских монахов была достаточно устойчивой и переписывалась из челобитной в челобитную с добавлением лишь фактов последнего времени.

Интересно отметить, что к челобитной 1679 г. прилагалась "роспись... что в монастыре том нужда церковных потреб и книг", в которой перечислялись необходимые книги и утварь²⁶. Эту роспись составил и собственноручно подписал бывший игумен, занимавший в 1679 г. должность келаря монастыря, Афанасий (в миру - Алексей Артемьевич Любимов-Творогов), известный впоследствии церковный деятель, писатель и книжник Афанасий Холмогорский²⁷. Как известно, Афанасий начал свою литературную деятельность еще в Далматовском монастыре. Следовательно, он мог быть автором или принимал участие в сочинении челобитной, послужившей образцом для всех последующих.

Естественно, что все исторические факты, изложенные в челобитных, не принимались в Москве на веру и перепроверялись через тобольских воевод. Об этом свидетельствует документ в деле, опубликованном Н.И.Тихомировым²⁸, составленный по отпискам тобольских воевод И.А.Хилкова и А.А.Голицына. Так, в частности, в отписках подтверждались факты разорения монастыря башкирами в 1662, 1663 и 1664 гг. О помощи же со стороны монастыря отряду Д.Полуктова тобольские воеводы умалчивали.

* * *

В условиях правительственной политики сдерживания роста монастырского землевладения для далматовских старцев было важно не только сохранить и расширить свои земельные владения, но и заселить их новыми работниками.

Ценным источником по истории заселения вотчины Далматовского Успенского монастыря во второй половине XVII в. являются переписные и писцовые книги. Они составлялись по царскому указу представителями светской администрации. Оригинал высылался в Москву, копия оставалась в тобольской съезжей избе, а в монастырь отдавалась заверенная дьяком выписка, которая была основным документом, подтверждавшим права монастыря на крестьян, живущих на его земле.

Самыми ранними из введенных в научный оборот переписных книг Далматовского монастыря являются переписи Е.Шубина 1699 г. и Л.Поскочина 1682-1683 гг.²⁹

Сохранившиеся в фонде Сибирского приказа ЦГАДА переписная книга письменного головы К.Дохтурова 1662 г.³⁰ и комплекс документов, связанных с переписью Е.Шубина³¹, позволяют не только проследить историю заселения далматовской вотчины, но и расширить наши представления о государственной политике по отношению к монастырским владениям в Сибири.

Пока неизвестно, когда была проведена первая перепись всего населения вотчины Далматовского монастыря. Возможно, это было сделано в 1658(1659) г. Микифором Веревкиным. Именно его переписные книги являлись точкой отсчета для всех последующих составителей переписей вплоть до 1682-1683 гг. Задачей переписчиков 60-70-х гг. было выявление и фиксирование людей, поселившихся "за монастырем" после переписи 1658(1659)г.

Политика правительства, направленная на ограничение роста церковного землевладения в Сибири, во многом объясняется озабоченностью властей положением дел на государевой десятинной пашне. Нередки были случаи, когда часть земель и населения сибирских монастырей отписывалась "на великого государя". Так, в 1659 г. эта участь постигла Тобольский Знаменский, Тюменский Преображенский и Далматовский Успенский монастыри. Но в 1662 г. отобранные владения и крестьяне были возвращены монастырям "по прежнему, чтоб тем монастырям до конца не раззориться и братье с голоду не помереть"³². Видимо, старцы "засыпали" органы власти челобитными с описанием всех тягот своей жизни.

В связи с этим К.Дохтуровым и проводилась перепись в Далматовском монастыре. В нее не включались все жители вотчины, а только вновь пожалованные. При этом отмечалось, что после переписи М.Веревкина в деревнях монастыря "никаких людей не объявилось". Перепись составлена из 57 распросных речей по традиционному формуляру: социальное положение расспрашиваемого, его имя, откуда пришел и кем был, сколько лет назад ушел с прежнего места жительства, сколько лет живет "за монастырем", кем был отец, имена сыновей и братьев, проживающих с ним в одном дворе.

В документе записаны 32 крестьянина по деревням: Заимка - 18, Красный Яр на р.Ольховке - 7, Березов Яр на р.Исети - 4, деревня на р.Течи за Исетью, на Степной стороне - 3³³.

В список также попали 3 крестьянина, которые ушли из монас-

тыря в 1660 г. Четверо крестьян отметили получение от монастыря ссуды.

После крестьян перечислены 9 монастырских детенышей. Почти все они в малолетстве остались сиротами и "вскормлены" в монастыре. Исключение составляет лишь филька Ильин, который жил гулящим человеком в Пыскорском монастыре и ушел оттуда около 1652 г.³⁴

Завершают перепись распросные речи 19 трудников. Почти все они отметили род своей деятельности в монастыре (кузнец, плотник, дровосек, конюх и т.д.) Четверо из них трудились "по обещанию".

Подавляющее большинство отмеченных в переписи пришли в монастырь из Поморья гулящими людьми не позже 1653 г.³⁵ Только 22 человек из 57 сказали, кем были их отцы: у 9 - бобыли, у 8 - нищие, у 3 - гулящие, у 2 - рыбаки. Всего в переписи зафиксирована 91 душа мужского пола (вместе с сыновьями и братьями).

В 1662-1664 гг. Далматовский монастырь подвергался многочисленным опустошительным нападениям кочевников. Отводя монастырю заметную роль в обороне восточных рубежей, правительство вынуждено было заботиться об его укреплении. В документах, связанных с переписью Е.Шубина 1669 г., упоминаются писцовые отдаточные книги 1665 и 1668 гг., дополняющие переписные книги М.Веревкина. В них записаны крестьяне, попавшие в монастырь в результате государевых пожалований.

В переписи Е.Шубина зафиксированы люди, недавно пришедшие в монастырь: 45 крестьян с семьями и 7 наемных работников. Мы не будем останавливаться на анализе самой переписи, так как это достаточно полно сделал А.Н.Кондрашенков³⁶, а обратимся к событиям, последовавшим за ней.

По наказной памяти Е.Шубин должен был выслать всех переписанных в Тобольск. Предварительно им предписывалось продать "дворы и животы свои и всякий скот". Но в Тобольск явились только 35 человек (из них 10 гулящих). Видимо, случайно вместе с новопришлыми в Тобольск попало несколько крестьян, записанных в отдаточных книгах 1665, 1668 гг. Поэтому старец Далмат подал челобитную с просьбой вернуть этих крестьян. В росписи, приложенной к челобитной, перечислялись 16 человек³⁷. По жалобе Далмата было проведено расследование, в ходе которого выяснилось, что 3 крестьянских семьи и трудник, отданные монастырю в 1668 г., в Тобольск не приезжали.

В это же время в съезжую избу был вызван старец Логин для выяснения обстоятельств приема новых крестьян "сверх государева

указу". Незаконные действия монастыря Логин мотивировал тем, что принимали в крестьяне только из вольных гулящих людей "для того, что-де из них многие старинные крестьяне померли, а иных побили башкирцы, да многие из тех людей на их монастырских женах и дочерях поженились и животами их и ныне владеют"³⁸.

С 26 человек, приехавших в Тобольск, были взяты распросные речи, из которых выяснилось, что 10 человек пришли в монастырь из Поморья, причем только 4 из них в прошлом гулящие люди, остальные либо государственные, либо частновладельческие крестьяне. Так, например, Власко Иванов сначала был "за государем" в Каргопольском уезде, но затем его пожаловали патриарху Никону, "а живучи за ним, он обнищал". Никон распорядился выслать Власка из волости, и тот был вынужден поселиться в Сийском монастыре, а затем, получив отпусковую, ушел к Соли Камской, где его и подрадили в плотники далматовские старцы. 8 человек - бывшие жители Кунгура, где почти все платили денежный оброк. 6 новопришлых до поселения в Далматовском монастыре жили в близлежащих слободах и пахали государеву пашню.

Среди распрошенных оказались 2 крестьянина и трудник, которые числились за монастырем по переписям 1662 и 1665 гг. В распросе трудник Якунько Семенов назвался другим именем, видимо, желая таким образом уйти из монастыря, но был разоблачен старцем Лотом.

Любопытна судьба Микитки Микитина Бабкина. Сначала он вместе с отцом жил в Нижне-Ницынской слободе. В конце 50-х гг. XVII в. Микитка с братом Спиркой поселились в Далматовском монастыре и в 1658(1659)г. попали в его переписные книги. Видимо, братья Бабкины оказались среди тех крестьян, которые время от времени отписывались на государя, а затем возвращались монастырю, поэтому их имена встречаются в переписях 1662 и 1665 гг. В 1668 г. приказчик Мехонской курьи Д. Андреев отдал Бабкиных далматовским старцам по "тобольской памяти". В 1675 г. их имена вновь появляются в монастырских документах в связи с "делом" строителя Никона, на которого не раз жаловались в Тобольск братья монастыря, крестьяне и вкладчики³⁹. Доведенные до отчаяния злоупотреблениями старца, Микитка и Спирка "порезали" его. Около года лечился Никон "от урезу". А братья после разбора дела в Тобольске были биты кнутом.

Монастырские старцы стремились получить с новопришлых поручные записи и тем самым закрепить их в своем хозяйстве. Так, из 26 опрошенных в 1669 г. 17 человек жили в монастыре по записям. У 3 из них поручные записи были "намучены" старцем Никоном. Так,

Назарко Яковлев Шумилов работал в монастыре по обещанию 3 года, но когда срочные годы "отошли", старцы его из монастыря не отпустили и заставили дать на себя запись. Оксенко Иванов Казанцев был вынужден остаться в монастыре и дать запись, так как за ним числился долг, в то время как его отец с братьями ушли в беломестные казаки Шадринской слободы.

Несмотря на поручные записи, в съезжей избе у крестьян спрашивали, где бы они хотели жить. 9 человек изъявили желание остаться в монастыре, а 15 хотели стать "государевыми" крестьянами в Шадринской слободе. Но царь распорядился иначе. За монастырем было оставлено только 3 человека - те, кто отмечен в отдаточных книгах 1665 г.; а 21 человек был возвращен в государственные крестьяне. Из числа последних царским указом от 17 февраля 1669 г. слободчику Юшке Соловью было велено взять крестьян для строительства новой слободы на р. Масленке, наделить их землей и "положить на них государеву десятинную пашню"⁴⁰.

Был ли предпринят розыск неявившихся в Тобольск по переписи Е.Шубина - в данных документах не отмечено.

Монастырь вел борьбу со слободчиками и приказчиками за привлечение на свои земли новых работников. Так, поводом для проведения переписи Е.Шубиным явилась жалоба приказчика Терсюцкой слободы Д.Андреева в 1668 г. на монастырских старцев, которые перехватывают у него гулящих людей⁴¹.

В августе 1654 г. тобольские воеводы В.Хилков и И.Гагарин получили челобитную от приказчика Киргинской слободы М.Фефилова о том, что приказчик Исецкого острога Д.Андреев и старец Далмат отказались выдать укrywшихся у них беглых пашенных крестьян Киргинской слободы⁴². Воеводы послали в Исецкий острог и Далматовский монастырь памяти, чтобы "крестьян с тягла не принимали", и решили, что на этом конфликт исчерпан. Но тем временем монастырские старцы подали на Фефилова два извета архиепископу Симеону. Приказчик был взят под стражу, а в Киргинскую слободу послана комиссия "для сыска великого духовного и государева дела". Помня о недавней жалобе архиепископа Симеона патриарху Никону на вмешательство светского управления в духовные дела, воеводы поспешили передать Фефилова архиепископу до государева указа. В свою очередь арестованный пытался исправить свое положение и подал извет на одного из членов сысчной комиссии - казначея архиепископа Симеона старца Филарета, обвинив его в том, что он тайно возил в Далматовский монастырь ревень, на который в то время существо-

вала государственная монополия. Последовавшее за этим расследование показало полную несостоятельность извета Фефилова. Трудно предположить, чем закончился этот конфликт, так как заключительная часть дела, содержащая решение вопроса, в данном комплексе источников отсутствует.

Дальнейший поиск и выявление всего круга документов, связанных с переписями населения в Далматовском монастыре, позволит не только воссоздать картину формирования и заселения монастырской вотчины, но и проследить миграционные процессы, происходившие в XVII в. на востоке России.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См.: Кондрашенков А.А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962. С.15.

² См.: Плотников Г.С. Далматовский монастырь в 1773-1774 год, или в Пугачевский бунт // ЧОИДР. М., 1859. Кн.1; Он же. Очерки бедствий Далматовского монастыря и частично края с 1644 по 1742 год // ЧОИДР. М., 1863. Кн.1; Он же. Взгляд на училище при Далматовском монастыре с 1718 по 1818 годы по актам архивным. Пермь, 1868; Он же. Материалы для истории христианства в Далматовском крае (Пермская губерния). Пермь, 1869; Он же. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшим приписным к нему женского Введенского монастыря. 4-е изд. Екатеринбург, 1906. (Впервые эта работа увидела свет на страницах "Пермских епархиальных ведомостей" за 1858 г., № 3-12; она была также целиком перепечатана в кн.: Шишонко В.Н. Пермская летопись (1263-1881 гг.): Период 3. Пермь, 1884.)

³ См., напр.: Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып.8. С. 104.

⁴ В настоящее время архив монастыря в виде отдельного фонда хранится в ШФ ГАКО (ф. 224).

⁵ Речь идет о так называемой "Древней рукописи из архивных актов Далматовского Успенского монастыря за 1651-1730 гг." (ШФ ГАКО. ф. 224. Оп.1. № 3243) и об "Историческом описании монастыря сего и о монастырских древностях, начато 12 сентября, окончено 31 декабря 1840 года" (Там же. № 1989). См. также: Соколов Е.И. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. Вып.2: Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 гг.// ЧОИДР. М., 1906. Кн. 1. С. 474 (здесь под № 746 указано Описание Далматовского Успенского монастыря неизвестного автора, написанное в 1820-х гг.; в четверку, на 14 л. Можно предположить, что данная рукопись также написана Г.С.Плотниковым).

⁶ Плотников Г.С. Описание... С.4.

⁷ Внешнее описание этой рукописи см.: Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание рукописей А.В.Горского и К.И.Невоструева. М., 1973. Ч.2. С.44, № 894.

⁸ Об этом говорят некоторые подробности в "Известии", которые, очевидно, мог знать только близкий Далмату человек.

⁹ См. о нем: ШФ ГАКО. ф. 224. Оп. 1. № 3243; Плотников Г.С. Описание...; Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века: Церк.-ист. очерк. СПб., 1908; Манькова И.Л. Жизнь и деятельность архимандрита Далматовского Успенского монастыря Исаака // Обл. науч. чтения памяти П.А.Флоренского: Тез. докл. Тюмень, 1989. С. 27-29.

¹⁰ См.: Плотников Г.С. Материалы для истории христианства в Далматовском крае... С.1-2.

¹¹ Впрочем, Исаак мог таким образом пометить и чистовую писарскую копию своего сочинения.

¹² См.: История Сибири. Л., 1968. Т.2. С.113.

¹³ См.: Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.8. С.104-105.

¹⁴ Не исключено, что за этой легендой скрываются какие-то реальные факты, например, обращение Илигея в христианство, следствием чего могла быть передача им своих земельных владений монастырю в качестве вклада.

¹⁵ АИ. СПб., 1842. Т.5. С.48.

¹⁶ См.: История Сибири. Т. 2. С. 113.

¹⁷ ШФ ГАКО. ф.224. Оп.1. № 26. Л.194 об.

¹⁸ Там же; ГИМ. Синод. собр. № 843. Л.2.

¹⁹ Так, в 1711 г. по сравнению с 1700 г. количество окладных дворов уменьшилось почти в 2 раза. См.: Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.8. С.107.

²⁰ См.: Плотников Г.С. Описание... С.15.

²¹ ШФ ГАКО. ф.224. Оп.1. № 3. Л.1 об., 20 об.

²² См.: Манькова И.Л., Шашков А.Т. Библиотека Далматовского монастыря в XVII - первой четверти XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С.47-56.

²³ ЦГИА. ф.796. Оп.7. № 40. Л.2 об.-3.

²⁴ ГИМ. Синод. собр. № 844. Внешнее описание рукописи см.: Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания... Ч.2. О.133. № 1049.

²⁵ Тихомиров Н.И. К истории Далматовского монастыря // ЧОИДР. М., 1886. Кн.4, отд.5. Смесь. С.18-24.

²⁶ Там же. С.20.

²⁷ Афанасий сам отвез челобитную в Москву. Подробнее о нем см.: Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский...; Куку-

шкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII веков. Л., 1977. С.185-197.

²⁸ См.: Тихомиров Н.И. К истории Далматовского монастыря. С.23.

²⁹ См.: Шунков В.И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. // Вн. 1952. № 6; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Челябинск, 1966. Ч.1.

³⁰ ЦГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.434. Л.154-169 об.

³¹ Там же. Кн.535. Л.25-80 об.

³² Шишонко В. Пермская летопись. (1263-1881 гг.): Период 3. С.706-711.

³³ Двое из последних довольно длительное время жили в монастыре трудниками.

³⁴ Не совсем понятно, почему он отнесен к монастырским детям.

³⁵ Количество лет, прожитых при монастыре, указывалось приблизительно, так как по ответам 5 человек получается, что они пришли в монастырь еще до его основания.

³⁶ См.: Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья... С.74-79.

³⁷ Все эти люди отмечены в переписи К.Дохтурова. Видимо, между 1662 и 1669 гг. властями предпринимались попытки переселения монастырских крестьян на государеву пашню. Позже по челобитной старцев они вновь возвращаются монастырю.

³⁸ ЦГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.535. Л.56 об.

³⁹ ШФ ГАКО. Ф.224. Оп.1. № 3243. Л.148. Микитка и Спирка здесь названы вкладчиками.

⁴⁰ ЦГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.535. Л.80.

⁴¹ Там же. Л. 25-26. В работах А.А.Кондрашенкова и Л.П.Шорохова ошибочно указана дата челобитной Д.Андреева - 1676 г. (См.: Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья... С.73; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XV-XVIII веках. Красноярск, 1983. С.83).

⁴² ЦГАДА. Ф.214. Оп.3, Стб.496.